

СМЕНА НА МЁРТВОЙ ВЕРФИ

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ

Владимир Павлов

Смена на мёртвой верфи

«Автор»

2026

Павлов В.

Смена на мёртвой верфи / В. Павлов — «Автор», 2026

Алексей Корнев собирается спокойно отработать ночную смену и утром успеть на выступление дочери. Но в закрытом заводском доке появляется «Ладога» — судно, разобранное одиннадцать лет назад после аварии, в которой погиб его брат. В рубке Алексей находит журнал, заполненный собственным почерком. Записи описывают события, которые ещё не произошли. Последняя датирована шестью часами утра: «Никого не выпускать на берег. Даже меня». А затем с корабля доносится знакомый голос. Чтобы понять, кто вернулся этой ночью, Алексею придётся разобраться в старой аварии — и признаться в том, что он сам помог скрыть.

© Павлов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой корпус	5
Глава 2. Судно без заказа	14
Глава 3. Запись на завтра	24
Глава 4. Проверка	35
Глава 5. До выяснения	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Павлов

Смена на мёртвой верфи

Глава 1. Чужой корпус

Перчатки в шкафчике оказались мокрыми.

Алексей вытащил их за манжеты, положил на скамью и посмотрел на тёмное пятно под вентиляционной трубой. За трое суток оно успело расплзтись до соседней дверцы. Снизу свисала капля.

— Опять? — спросил Славка.

Он сидел напротив, упираясь локтем в колено, и пытался застегнуть часы. Ремешок цеплялся за рукав.

— Нет. Новая услуга. Увлажнение спецодежды.

— Напиши заявку.

— Третью?

— Ну напиши, что третья. Они любят конкретику.

Алексей убрал мокрые перчатки в пакет, достал запасные. В раздевалке пахло сушёной рыбой, дешёвым мылом и нагретой тканью. Кто-то оставил на подоконнике открытую банку кофе. Внутри торчала ложка с погнутой ручкой.

До начала смены оставалось семь минут.

Телефон завибрировал в кармане.

На экране высветилось: «Лена».

Алексей провёл пальцем по экрану, придерживая плечом дверцу шкафчика.

— Да.

— Ты завтра приедешь?

— Приеду.

— Лёш, я спрашиваю, потому что мне надо понимать. Если ты не успеваешь, я попрошу маму.

— Успеваю. Я же говорил.

За спиной хлопнула металлическая дверца. Алексей отошёл к окну.

Стекло было запотевшим. За ним темнела кирпичная стена соседнего корпуса, по стене тянулась блестящая водосточная труба. Дождь шёл с обеда.

— Начало в половине одиннадцатого, — сказала Лена. — Не в одиннадцать.

— Я помню.

— И паспорт возьми. Охрана в школе теперь всех записывает.

— Возьму.

— Я тоже буду в зале. Только ты всё равно приезжай, ей важно.

Она помолчала.

— Маша тебе не сказала, но она всё время смотрит на дверь, когда выступает. В прошлый раз тоже смотрела.

Алексей потёр большим пальцем царапину на подоконнике.

— Я буду.

— Хорошо.

Разговор закончился без привычного «пока». Так у них теперь заканчивалось большинство разговоров: нужное обсудили, можно отключаться.

В переписке с дочерью лежало непрслушанное голосовое сообщение. Алексей поднёс телефон к уху.

— Пап, там сначала все читают, а потом я. То есть можешь чуть опоздать, только не сильно. И не снимай всё время на телефон, ладно? А то ты на меня через него смотришь.

На заднем плане Лена кому-то сказала, чтобы не трогали горячее.

Алексей нажал на микрофон.

— Договорились. Буду смотреть глазами.

Переслушал, отправил.

— Корнев, тебя мастер ищет! — крикнули от двери.

— Уже нашёл, — ответил Белов.

Николай Петрович стоял в проходе, держа под мышкой потрёпанную папку. На его куртке темнели дождевые пятна. Обычно перед сменой он успевал зайти в бытовку, выпить чай и поругаться на чайник. Сейчас остался у двери.

— Оделся?

— Почти.

— Зайди к диспетчеру. Там по старому доку вопрос.

Алексей посмотрел на него.

— По какому?

— По третьему.

— Мы там что делаем?

— Пока выясняем.

Славка наконец застегнул часы.

— Его же под закрытие отдали.

— Вот и выясним, — повторил Белов. — Давай, Лёша. Потом получишь обычную работу.

Он развернулся и вышел.

Алексей натянул куртку, проверил карманы: пропуск, телефон, фонарь. Нащупал в нагрудном кармане сложенный рисунок. Маша сунула его туда в воскресенье, пока он собирался домой.

Он не стал доставать листок. Только расправил пальцами загнутый угол.

У диспетчерской на полу лежала мокрая дорожка из следов. Дверь была открыта.

Внутри, возле стола, стояла незнакомая женщина в серой рабочей куртке. Светлые волосы собраны на затылке, на шее шнурок с пропуском. Она держала планшет и разговаривала с диспетчером так, будто они продолжали спор, начатый час назад.

— Мне не нужен весь архив. Мне нужна схема после последнего переключения.

— Какую дали, такую распечатал.

— Здесь линия отмечена отключённой.

— Значит, отключена.

Женщина повернула к нему планшет.

— Тогда откуда нагрузка?

Диспетчер поправил очки.

— Это к энергетике.

— Энергетик направил к вам.

— Я вижу, кто ко мне направил.

Алексей постучал костяшками по косяку.

— Корнев. По доку.

Женщина сразу повернулась.

— Вера Зимина. Наладка.

Пожали руки. Пальцы у неё были холодные.

— Вы старое хозяйство знаете?

— Смотря насколько старое.

— Третий док. Береговое питание, вводная щитовая, кабельный проход.

— Знаю, где находится.

— Уже хорошо.

Она положила на стол распечатку. В нескольких местах схема была обведена красной ручкой.

— Я приехала закрывать замечания перед выводом оборудования. Днём проверили щитовую. Всё, что должно быть отключено, отключено. Сейчас на общем учёте появилась нагрузка. По времени совпадает с третьим доком.

— По какой линии?

— В этом и вопрос. По схеме у нас один ввод. По факту, похоже, есть ещё что-то.

Алексей наклонился над листом.

Названия половины помещений он помнил. Другую половину успели переименовать дважды, но на заводе всё равно пользовались старыми: аккумуляторная, красный проход, комната судовых.

Третий док находился в северной части территории. Сначала его собирались модернизировать. Потом законсервировали. Затем обсуждали демонтаж, но дальше ограждения и нескольких снятых ворот дело не пошло.

— Работы внутри есть? — спросил Алексей.

Диспетчер мотнул головой.

— По моим — нет.

— А по чужим?

— Корнев.

— Я серьёзно. Там же подрядчики ходили.

Вера кивнула:

— Ходили. До шестнадцати. Я проверила, что они закончили работы и вышли.

Настенные часы показывали 20:11.

Алексей взял распечатку.

— Что от меня нужно? Посмотреть на месте?

— Для начала. Ничего включать не будем.

— Сопровождение есть?

Диспетчер снял трубку внутреннего телефона.

Пока он дозванивался до охраны, Алексей ещё раз просмотрел схему. Подпись в нижнем углу была чужая, дата — позапрошлый месяц. Возле кабельного прохода стоял аккуратный прямоугольник без обозначения.

— А это что?

Вера посмотрела.

— В старой схеме этого нет. В исполнительной тоже. Запросила пояснение.

— Получили?

— «Уточнить по месту».

Алексей вернул ей лист.

— Хорошая работа. За неё кого-то премируют.

У диспетчера наконец ответили. Он назвал фамилии, выслушал, повторил:

— Да, двое. Корнев и Зимина. По согласованию с Беловым.

Положил трубку и сделал запись в журнале.

— На северном посту пропустят. Ключ у охраны. Только без самостоятельности. Если что-то серьёзное — звоните сюда.

— У вас всё серьёзное после восьми, — сказал Алексей.

— Вот поэтому и звоните.

В коридоре Вера убрала планшет в чехол.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто вам заранее всё не нравится.

— Мне пока перчатки не понравились. Остальное смотрю.

Она коротко улыбнулась, но отвечать не стала.

На улице дождь оказался мельче, чем выглядел из окна. Холодная водяная пыль сразу осела на лице.

Между корпусами тянуло с воды. Ветер прогонял по асфальту размокший картон. Над проходом горели три фонаря из пяти; под исправными стояли жёлтые лужи.

Алексей застегнул воротник и пошёл вдоль стены. Вера держалась рядом, обходя глубокие выбоины. Судя по походке, территорию знала плохо, но старалась этого не показывать.

Справа, в открытых воротах сборочного цеха, работала дневная бригада, оставшаяся сверхурочно. Гремела тележка. Изнутри донеслось:

— Не за кабель, за раму бери!

Потом ворота поползли вниз и звук стал глуше.

— Давно здесь? — спросила Вера.

— Семнадцать лет.

— Всё время электриком?

— Сначала учеником. Потом человеком, которому говорят: «Ты же здесь давно».

— Сейчас именно такой случай?

— Сейчас посмотрим.

У ремонтного корпуса они остановились, пропуская погрузчик. За мутным стеклом кабины водитель поднял ладонь. Алексей ответил.

Дальше фонарей стало меньше.

От северной части завод давно отступал: сначала убрали бытовки, затем закрыли инструментальную, потом перестали чистить дальний проезд. На старом асфальте росла трава. У стены под брезентом лежали секции труб, привезённые неизвестно для какого заказа. Брезент провис между ними, наполненный водой.

Вера включила фонарь.

— Днём здесь было не так неприятно.

— Днём вы откуда заходили?

— Со стороны насосной.

— А сейчас идём через пост. Там хотя бы знают, что мы внутри.

Телефон завибрировал.

Маша прислала фотографию: школьная сцена, синие занавески, ряд пустых стульев. Снизу сообщение: «Я вот тут буду».

Красный кружок, нарисованный пальцем, обводил край сцены.

Алексей написал: «Вижу. До завтра».

Связь показывала одно деление.

— Здесь иногда совсем пропадает, — сказал он, заметив, что Вера тоже смотрит в телефон.

— Я не связь проверяю. Время.

— Куда-то торопитесь?

— Домой. Как все.

Северный пост представлял собой кирпичную пристройку с низким окном. За стеклом работал телевизор без звука. На столе стояла глубокая тарелка, накрытая другой тарелкой.

Охранник открыл им раньше, чем Алексей постучал.

— Зимина?

— Да.

— Документы.

Он сверил пропуска с записью на листке, вернул. Алексея узнал, но всё равно посмотрел фотографию.

— Корнев, ты тут последний раз когда был?

— Внутри дока? Не помню. Года три назад.

— Там за воротами настил снят. Вправо не ходите, огорожено. И внизу вода.

Он достал из металлического шкафа связку с длинной пластиковой биркой.

— Внешняя дверь и галерея. Дальше закрыто.

Вера нахмурилась.

— Мне днём давали ещё от щитовой.

— Щитовая с другой стороны. Этот ключ только на вход.

— Нам сначала осмотреться, — сказал Алексей. — Дальше позвоним.

Охранник протянул журнал.

— Время пишите.

Алексей расписался. Двадцать двадцать девять.

На столе зазвонила рация.

Из шума выступили два слова, но Алексей их не разобрал. Охранник повернул регулятор громкости.

— Северный на связи.

Ответа не было.

Он подождал и поставил рацию ближе к окну.

— С утра трещит. Дождь, наверное.

— Удобно на него всё списывать, — сказала Вера.

— А на кого? На меня?

Они вышли из пристройки.

За постом начиналась сетчатая ограда. Калитка открылась с трудом: нижний край задевал асфальт. Алексей приподнял её и придержал для Веры.

Третий док стоял в конце короткого проезда.

Большой тёмный корпус с покатой крышей. На стене ещё держались остатки цифры три, когда-то белой, теперь серой. Верхние окна были чёрными. Возле служебной двери горел маленький козырьковый светильник.

Под ним стоял Белов.

Алексей замедлил шаг.

— Вы-то как здесь?

— На машине.

У забора действительно темнела старая заводская «Нива».

Мастер убрал телефон в карман.

— Ну что у вас?

Вера начала объяснять про учёт и неподписанную линию. Белов слушал, глядя на распечатку, но не приближаясь к свету.

— Ничего не трогать, — сказал он, когда она закончила.

— Мы и не собирались.

— Я обязан сказать.

Алексей посмотрел на его руку. Большой палец всё время проводил по краю папки, загибая картон.

— Петрович, там люди работают?

— Не должны.

— А должны не работать или точно нет?

Белов поднял на него глаза.

— Посмотрите с галереи. Если ничего понятного — назад. Я вызову энергетика.

— Он нам по телефону схему нарисует?

— Лёша, я сказал.

В голосе мастера появилась резкость. Вера перевела взгляд с одного на другого.

Алексей пожал плечом.

— Ключ есть. Пошли.

Замок у двери оказался новым. Старое полотно под ним было в потёках ржавчины, а личинка блестела, будто её поставили на прошлой неделе.

Ключ повернулся легко.

Внутри пахло холодным бетоном и стоячей водой. Фонарь выхватил лестницу, жёлтые перила, ограждение из красно-белой ленты. Справа темнел спуск вниз. Над ним висела табличка о запрете прохода.

Алексей придержал дверь.

— Петрович, вы с нами?

— Я здесь.

Белов остался под козырьком. Дождь шуршал по его куртке.

— Дверь не запирай.

Алексей отпустил ручку. Доводчик медленно потянул полотно, но мастер поймал его снаружи.

Вера посветила на стену. Две кнопки, выцветшая надпись, пустое крепление от щитка.

— Освещение?

— Отдельно. Если не сняли.

Алексей нажал верхнюю кнопку.

Где-то впереди щёлкнуло. Над лестницей зажёгся один светильник, второй несколько раз мигнул и остался тускло светиться.

— Уже праздник, — сказал он.

Они поднялись.

Ступени были влажными, но без следов свежей грязи. На площадке валялся пластиковый хомут. Вера остановилась, чтобы убрать за воротник зацепившийся шнурок.

Алексей прошёл ещё несколько ступеней и услышал гул.

Низкий, ровный. Его можно было принять за работу вентиляции, если бы здесь работала вентиляция.

Он остановился.

— Слышите?

Вера погасила фонарь, словно это могло помочь.

Гул шёл через стену и перила. Алексей положил ладонь на металл. Почувствовал слабую дрожь.

— Насосная? — спросила она.

— Дальше. И звук другой.

Лестница выводила на боковую галерею, проходившую вдоль доковой камеры. Раньше отсюда было видно весь корпус судна, стоящего на ремонте. Алексей помнил этот вид: ряды опор внизу, борта, рабочие площадки, мостики. Потом док осушили, вывезли оборудование. На последней фотографии из заводской рассылки в нём лежал снег.

До выхода на галерею оставалась дверь с армированным стеклом.

За стеклом было светло.

Не ярко. Там горело несколько холодных ламп, расположенных ниже уровня площадки.

Алексей обернулся.

— Вы днём свет оставляли?

— Нет.

— А внутри что было?

— Пустая камера. Я же говорила, мы закрывали замечания.

Он надавил на ручку.

Дверь подалась на несколько сантиметров и упёрлась во что-то на полу. Алексей посветил вниз. Под полотном застрял кусок отслоившегося покрытия. Он отодвинул его носком ботинка и открыл дверь шире.

Гул стал отчётливее.

Первым он увидел поручень.

Тёмный, мокрый, с белой краской на стойках.

Алексей остановился на пороге, ещё не понимая, почему поручень находится здесь, почти напротив его лица. До противоположной стены дока должно было быть несколько десятков метров.

Потом взгляд поднялся выше.

Иллюминаторы. Узкая палуба. Трап между надстройками.

Перед галереей стоял корабль.

Не баржа и не секция корпуса, которую можно было бы затащить сюда на платформе. Судно целиком: высокий борт, закрытые двери, вентиляционные головки, мачта под тёмными балками крыши.

Лампы на его палубе горели.

Алексей медленно вышел на площадку.

Корабль занимал почти всю камеру. Нос уходил в тень к внутренней стене, корму закрывала старая крановая конструкция. Между бортом и галереей оставалось метров пять.

Внизу была вода.

В ней отражались лампы. У бетонной стены покачивался обрывок доски. Вода стояла высоко, скрывая лестницы, которые прежде спускались на дно.

Вера вышла следом и остановилась так резко, что каблук её ботинка ударил по металлическому порогу.

Несколько секунд они молчали.

— Это когда поставили? — спросил Алексей.

Он сказал это почти обычным голосом. Как спрашивают о чужом инструменте, оставленном на рабочем месте.

Вера не ответила.

Он повернулся к ней.

Она смотрела на надстройку. Потом перевела взгляд вниз, на воду.

— В половине четвёртого здесь ничего не было.

— Значит, после половины четвёртого.

— Корнев.

В первый раз она назвала его по фамилии без вопроса.

— Я стояла вон там.

Вера показала на противоположную сторону камеры.

— На нижней площадке. Мы фотографировали крепления. Там не было воды.

Алексей ещё раз посмотрел вниз.

Он знал, сколько времени требовалось на затопление камеры. Даже если предположить, что всё оборудование исправно, что затвор со стороны акватории готов и никто не должен согласовывать проводку судна.

Но вода уже была здесь. Корабль — тоже.

Он достал телефон и набрал диспетчера.

Пошёл вызов.

Длинный гудок, второй.

— Диспетчерская.

— Это Корнев. Мы в третьем доке. Кто проводку оформлял?

— Какую проводку?

— Судно в камере. Кто заводил?

Пауза.

— Повтори.

— Здесь корабль стоит. Нам по нему что-то передавали?

На другом конце щёлкнули клавиши.

Алексей слышал знакомый фон диспетчерской: тихое радио, стук кружки, чей-то голос в коридоре. Всё было на месте.

— Никаких судов в третьем нет, — сказал диспетчер.

— Я на него смотрю.

— Может, вы не в третий зашли?

Алексей закрыл глаза на секунду.

— Мы с северного поста. Белов у двери. Ты сам нам проход согласовал.

— Подожди.

В трубке зашуршала бумага.

Вера тем временем сняла несколько фотографий. На третьей телефон почему-то включил вспышку. Свет ударил в мокрый борт и погас.

В ближайшем иллиминаторе что-то изменилось.

Алексей не сразу понял, что именно. В нём и раньше было темно, но теперь стекло перестало отражать лампу с галереи, будто кто-то приблизился к нему изнутри.

Он повернул голову.

Отражение вернулось.

— Корнев, — сказал диспетчер. — По движению пусто. Буксиров не было. Лоцманскую я сейчас наберу, но это...

Связь оборвалась.

Алексей посмотрел на экран. Вызов завершён. Сеть пропала.

— У меня тоже, — сказала Вера.

Она держала свой телефон перед собой.

Из коридора за лестницей донёсся металлический удар.

Они оба обернулись.

— Петрович! — позвал Алексей.

Звук голоса ушёл под крышу и распался в пустом пространстве.

Ответили не сразу.

Потом снизу раздалось:

— Я здесь!

Алексей выдохнул.

— Поднимитесь!

— Что у вас?

Он посмотрел на Веру, словно она могла предложить подходящий ответ.

— Вы сами посмотрите!

Мастер что-то сказал, но слов было не разобрать. На лестнице слышались шаги.

Вера снова повернулась к кораблю.

— На палубу не идём.

— Я и не предлагал.

— Просто говорю сразу.

— Правильно.

Алексей убрал телефон. Потянул ремешок фонаря, чтобы удобнее лежал на запястье.

Всё, что он видел, требовало простого объяснения. Судно могли поставить по закрытому заказу. Диспетчера могли не предупредить. Веру могли не пустить в основную камеру, и теперь она перепутала площадки. На заводе случались вещи, за которые снаружи потребовали бы длинных объяснений, а здесь хватало слов «отдельное распоряжение».

Но одно Алексей никак не мог совместить с этим объяснением.

Корпус выглядел знакомым.

Он не разбирался в судах настолько, чтобы узнавать каждое по силуэту. Здесь дело было в другом: срезанная задняя часть надстройки, выступающий короб у основания мачты, два небольших иллюминатора один над другим.

Алексей уже видел их.

На фотографии, много лет пролежавшей у матери за стеклом серванта.

Там было лето. На переднем плане стоял Михаил в расстёгнутой куртке, шурился и придерживал рукой волосы. Алексей снимал его на старую цифровую камеру, торопил, потому что им ещё надо было успеть на автобус.

За спиной брата виднелись эти два иллюминатора.

Алексей подошёл к перилам.

— Что? — спросила Вера.

Он направил фонарь вдоль борта.

Луч прошёл по потёкам ржавчины, задержался на круглой заглушке, скользнул выше.

Над водой проступили белые буквы.

Первую закрывала вертикальная полоса грязи. Следующие читались ясно.

«ЛАДОГА».

Вера что-то спросила.

Алексей не ответил.

Он помнил не только фотографию. Помнил папку с документами, тесный кабинет, чужую ручку, которой ему предложили расписаться. Помнил разговор о том, что судно восстановлению не подлежит. Через год корпус разобрали.

У него за спиной затихли шаги.

Белов дошёл до двери на галерею и остановился.

Алексей не обернулся. Смотрел на название, проверяя букву за буквой.

— Петрович.

Мастер молчал.

— Его же порезали.

Сзади скрипнула дверная ручка.

Алексей повернул голову.

Белов стоял в проёме. Он видел корабль целиком. Ни на распечатку, ни на Веру даже не посмотрел.

— Отойди от борта, Лёша, — сказал он.

И Алексей понял: спрашивать, что это за судно, мастер не собирается.

Глава 2. Судно без заказа

Алексей убрал луч фонаря с названия.

Белые буквы остались видны в свете палубных ламп. Между ними тянулись ржавые потёки. Под последней буквой краска вздулась длинным пузырьём.

— Вы знали? — спросил он.

Белов не ответил. Переступил порог, посмотрел вниз, на воду, потом на противоположную галерею.

— Сюда больше никто не заходил?

— Мы только пришли.

— На борт поднимались?

— Нет, — сказала Вера. — И не собирались. Сначала нужно выяснить, на каком основании здесь находится судно.

Мастер кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.

— Правильно. Выходим.

Алексей не двинулся.

— Петрович, я спросил.

— Я услышал.

— И?

Белов наконец посмотрел на него.

— Сейчас надо уйти с галереи. Остальное потом.

Из вентиляционного короба на корабле тянулся ровный гул. Под лампой, закреплённой у палубной двери, блестели капли. Одна сорвалась с козырька, упала на ступеньку.

Алексей следил за ней, пока не понял, что ждёт следующую.

— Это другое судно? — спросил он. — Так и скажите. Название повторили, корпус похожий. Бывает.

Белов сжал папку.

— Лёша.

— Номер какой?

— Отойди от перил.

— Вы знаете номер?

Вера приблизилась к ним.

— Николай Петрович, что здесь происходит?

Мастер повернулся к ней с заметным облегчением: с ней можно было говорить по работе.

— На территории есть работы, которые через наш участок не проходят. Мне нужно уточнить у руководства.

— Я сегодня принимала щитовую. За последние четыре часа здесь затопили камеру и поставили судно. Либо меня не предупредили, либо я подписала документы, которые не соответствуют действительности.

— Ничего ты лишнего не подписала.

— Откуда вы знаете?

Белов отвёл глаза.

Алексей заметил это движение.

Он много лет знал мастера. Белов мог вспылить, мог выругаться, иногда прикидывался, что не расслышал неудобную просьбу. Но сейчас он осторожно подбирал ответы. Как на разборе происшествия, когда любое слово потом попадёт в протокол.

— Хорошо, — сказала Вера. — Давайте выйдем. Позвоним отсюда, где есть связь. Зафиксируем, что обнаружили.

Она посмотрела на Алексея.
Он ещё раз направил фонарь на надстройку.
Два иллюминатора один над другим. Узкий короб под ними. Возле нижнего — тёмная заплата, почти квадратная.
На фотографии у матери заплаты не было.
Значит, всё-таки другое судно.
Мысль принесла такое быстрое облегчение, что Алексей сразу рассердился на себя.
— Пошли, — сказал он.
Белов пропустил их вперёд.
По лестнице спускались молча. Алексей слышал, как за спиной поскрипывает подошва мастера. На середине пролёта тот остановился, и Алексей тоже невольно замедлился.
— Давай, — сказал Белов. — Не стой.
Снаружи дождь усилился. Светильник над дверью освещал узкую полосу асфальта, дальше всё блестело в темноте.
Белов запер дверь и протянул ключи.
Алексей не взял.
— Отнеси на пост, — сказал мастер.
— Сами отнесите.
Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Вера забрала связку.
— Я распишусь.
Телефоны ожили почти одновременно.
У Алексея появились пропущенный вызов диспетчера и сообщение от Славки: «Ты где потерялся?»
Белов отошёл к машине. Набрал номер, отвернулся к ограде.
— Николай Петрович, — позвала Вера. — Мне нужен ответ до того, как я уйду с участка.
Он поднял ладонь: слышу.
Алексей достал телефон и открыл поиск по фотографиям. Набрал «Миша».
Телефон предложил несколько снимков: брат с рыбой, брат на кухне у матери, фотография старой фотографии с выцветшими краями.
Он открыл последнюю.
Михаил стоял чуть боком, одной рукой придерживая волосы. Улыбался раздражённо: Алексей долго возился с камерой, заставлял отойти на шаг, потом вернуться.
На заднем плане белела надстройка.
Алексей увеличил изображение. Картинка распалась на крупные квадраты. Нижний иллюминатор, верхний, угол короба.
— Это он? — спросила Вера.
Алексей не заметил, когда она подошла.
— Брат.
— Я про судно.
— Он на нём работал.
Вера посмотрела на экран, но за телефон не потянулась.
— Когда снято?
— Одиннадцать лет назад.
— Название было такое же?
Алексей кивнул.
Белов говорил негромко, но отдельные слова долетали сквозь дождь.
— ...я не мог знать... Нет, двое... Да, мои...
Он отошёл ещё дальше.
Вера проводила его взглядом.

— С судном что произошло?

Алексей убрал фотографию.

— Авария на испытаниях. Потом списали.

— Брат был там?

— Да.

Она помолчала.

— Понятно.

Алексей ожидал обычного «сочувствую» и заранее приготовился кивнуть. Но Вера уже открыла свой телефон.

На снимке, сделанном с галереи, корабль получился тёмным. Зато палубные лампы отражались в воде длинными белыми полосами.

Она перелистнула на следующую фотографию.

Та была снята днём. Чистый бетон, ряды опорных клеток, кабельная катушка возле стены. В углу — носок чьего-то рабочего ботинка.

Вера раскрыла сведения о файле.

Пятнадцать сорок две.

— Вот здесь я стояла, — сказала она. — Видите лестницу? Сейчас она под водой.

Алексей посмотрел внимательнее. На бетоне темнели старые масляные пятна. Дальний край камеры терялся в полумраке, но основная часть была видна.

— За четыре часа могли залить, — произнёс он.

— Допустим.

— И завести.

— Тогда где люди, которые заводили? Где бригада дока? Почему охрана не знает?

— Может, знает.

— На посту мне сказали, что внутри никого нет.

Алексей вспомнил тарелку, накрытую другой тарелкой, телевизор без звука. Охранник не выглядел человеком, который только что обеспечивал проводку судна.

Белов вернулся, пряча телефон.

— Разобрались. Здесь отдельный заказ. Ночью никаких работ с нашей стороны не требуется.

— Кто заказчик? — спросила Вера.

— Тебе утром объяснят.

— Мне объяснят сейчас.

— Вера, у меня нет этих сведений.

— Тогда соедините с тем, у кого есть.

Белов выдохнул через нос.

— Я передал. С тобой свяжутся.

Алексеем он сказал уже другим тоном:

— А ты иди к Славе. На шестом заказе шкаф сигнализации не закрыт. Надо довести до конца.

— Вы меня сюда привезли смотреть нагрузку.

— Посмотрели.

— И что нашли?

— Судно нашли, Корнев. Бывает в доке такое.

Алексей шагнул ближе.

Мастер стоял неподвижно. Под светильником было видно, как вода стекает с его седых висков за воротник.

— Не надо со мной так.

Белов сжал губы.

— Тогда и ты сейчас не начинай.

Вера убрала телефон в карман.

— Я передам энергетiku, что осмотр прекращён по вашему распоряжению. Причину укажу: доступ ограничен, сведения о подключённом оборудовании не предоставлены.

— Как считаешь нужным.

— И фотографии приложу.

На этот раз Белов ответил не сразу.

— Приложи.

Он посмотрел на служебную дверь.

Алексей проследил за его взглядом, но дверь оставалась закрытой.

На северном посту охранник ел из той самой тарелки. Увидев их, отодвинул её, накрыл салфеткой.

— Закончили?

Вера положила ключи на стол.

— Пока да.

Охранник придвинул журнал.

Алексей остался у двери.

— Судно сегодня во сколько заходили?

Ложка замерла над тарелкой.

— Какое судно?

— В третьем доке.

Охранник посмотрел на Веру.

— Вы что, разыгрываете?

Она показала фотографию.

Он вытер пальцы салфеткой, наклонился к экрану.

— Это оттуда?

— Только что снято.

Охранник приблизил изображение двумя пальцами, потом поднял глаза.

— Я с восьмью здесь.

— Дневная смена что передала?

— Ничего такого.

Он встал, развернул к себе второй журнал. Перелистнул несколько страниц.

Алексей видел его руки. Ноготь на указательном пальце был наполовину чёрным, подбитым. Этим пальцем охранник повёл по строчкам.

— Подрядчики вышли в шестнадцать двенадцать. Шесть человек. Потом Зимина... вы в шестнадцать двадцать восемь. Дальше обход.

Он нашёл нужную запись и задержался на ней.

— В девятнадцать десять наружные двери проверены. Всё закрыто.

— А со стороны воды? — спросил Алексей.

— У меня здесь пеший пост.

Охранник потянулся к телефону.

— Сейчас старшему...

Дверь открылась.

На пороге появился Белов.

— Не надо никому звонить. Уже передано.

Охранник не убрал руку с трубки.

— Николай Петрович, у меня объект по документам пустой.

— Запиши, что выявлено нахождение судна. По состоянию на двадцать сорок семь. Информация передана сменному мастеру.

— А основание?

— Мою фамилию пиши.

Охранник посмотрел на него, затем на фотографию.

— Мне потом вашу фамилию подшивать?

— Вызови старшего, — вмешалась Вера. — Пусть разберётся со своими записями.

Белов резко повернул к ней голову, но промолчал.

Охранник всё-таки снял трубку.

Алексей вышел из поста.

На улице он достал сигарету, повертел в пальцах и убрал обратно. Бросал уже два месяца. Первую неделю курил тайком, вторую носил пачку как доказательство, что может не открывать. Потом забыл выбросить.

Телефон снова завибрировал.

— Ты где? — спросил Славка.

— На севере.

— Я понял. Тебя ждать? Тут при включении опять два сигнала лезут.

Алексей посмотрел в сторону дока.

— Жди. Сейчас подойду.

— Чего голос такой?

— Промок.

— Там чай есть, если что. Только сахара нет.

— Разберёмся.

Он отключился.

Белов вышел следом. Дверь за ним прикрылась, заглушив голос охранника.

— Ты на меня злишься, — сказал мастер.

— Злюсь.

— Зря.

— Петрович, вы меня сколько лет знаете?

— Достаточно.

— Тогда не делайте вид, что я название перепутал.

Белов посмотрел на стоящую возле ограды машину.

— Одинаковые названия бывают.

— А корпуса?

— И корпуса похожие бывают.

— Номер назовите.

Мастер долго молчал.

Из поста донёсся короткий сигнал рации.

— Иди работать, Лёша.

— Вы его узнали.

— Я сказал: иди работать.

Алексей сунул руки в карманы.

— Завтра у меня к дочери.

Белов нахмурился, не поняв.

— В школу. Я ей обещал.

— Ну и езжай.

— Я к тому, что мне здесь приключения не нужны. Если бы вы сразу сказали, что это другой корабль и кто его поставил, я бы ушёл. Но вы даже не спросили, как он называется.

Мастер опустил глаза.

Несколько секунд Алексей слышал только дождь и слабое гудение из дока.

— Сегодня туда больше не ходи, — сказал Белов.

— Почему?

— Потому что я прошу.

Алексей ждал продолжения.

Его не было.

— Вы уже просили, — произнёс он.

Белов поднял голову.

Алексей пожалел о сказанном сразу. Не потому, что было несправедливо. Потому, что до этой минуты они одиннадцать лет умудрялись обходиться без этих слов.

Мастер тихо ответил:

— Помню.

Дверь поста открылась. Вышла Вера, застёгивая куртку.

— Мне звонят из управления. Надо вернуться к диспетчеру.

Она посмотрела на Алексея.

— Идёте?

Он кивнул и пошёл к калитке.

Белов остался у машины.

В цехе было тепло.

Алексей понял, как замёрз, только когда снял куртку. Плечи под ней оказались мокрыми. Он повесил куртку на спинку стула и присел возле открытого шкафа сигнализации.

Славка подал ему кружку.

— Осторожно. Только заварил.

— А ты говорил, сахара нет.

— Так его и нет. Чай есть.

На внутренней стороне дверцы висел лист с перечнем замечаний. Алексей прочитал первые три строчки, вернулся к началу.

— Ты чего? — спросил Славка.

— Ничего.

— У тебя на лице написано, что что-то.

Алексей поставил кружку на пол подальше от шкафа.

— Проверяли старый док.

— И?

— Там судно стоит.

Славка поднял брови.

— Нашли применение наконец.

— Ты про него слышал что-нибудь?

— Нет. А должен?

— Нет.

Славка подвинулся, освобождая место перед клеммами.

— Тогда глянь. Тут вроде всё нормально, а при проверке вылезает ещё соседний канал.

Алексей взял схему.

Работа была простая. Найти, где два сигнала оказались связаны, проверить исправление, записать результат. Он делал такое сотни раз.

Первые минуты не получалось сосредоточиться. Белые буквы на борту появлялись всякий раз, когда он переводил взгляд с листа на шкаф.

Потом привычка взяла своё.

Он попросил Славку повторить проверку, сопоставил показания, нашёл перемычку, оставшуюся после предыдущего этапа. Они сверились с последней редакцией схемы и убрали её. Проверили снова.

Лишний сигнал исчез.

— Вот, — сказал Славка. — А я уже думал, модуль дурит.

Алексей записал исправление в лист замечаний.

Почерк получился крупнее обычного.

— Тебе днём док не попадался? — спросил он.

— Я на южном был.

— А в разговорах?

— Лёха, тебе там что, премию выдали? Чего ты к нему прицепился?

Алексей закрутил колпачок ручки.

— Знакомое судно.

Славка взглянул на него внимательнее.

— С братом связано?

— Возможно.

Он больше не спрашивал.

Алексей был ему за это благодарен.

Телефон лежал рядом с кружкой. На экране появилось сообщение от неизвестного номера.

«Это Зимина. Есть возможность подойти к диспетчерской? Нужна ваша помощь по одному обозначению».

Алексей перечитал.

Потом написал: «Иду».

— Опять? — спросил Славка.

— На пять минут.

— У вас там популярное место.

Алексей натянул куртку. Холодная ткань прилипла к шее.

Вера ждала не внутри, а в коридоре. На подоконнике лежали две распечатки и открытый планшет.

— Удалось выяснить? — спросил Алексей.

— Мне сказали отложить проверку до утра.

— Кто?

— Руководитель проекта. Ланской Андрей Сергеевич.

Алексей попробовал вспомнить фамилию.

— Не знаю такого.

— Я до сегодняшнего вечера тоже.

Она развернула одну из распечаток.

Это был увеличенный фрагмент дневной фотографии. Пустая доковая камера, дальняя стена, технический проход.

— Я попросила архивную карточку объекта, чтобы уточнить, какое оборудование там могло остаться. Мне прислали старый перечень.

На втором листе шла таблица. Насосы, шкафы, кабельные трассы. Часть строк была перечёркнута.

Вера указала на одну из них.

— Вот это обозначение вы знаете?

Алексей прочитал.

Номер был длинный, с буквами и дробью. В конце стояло: «Береговой комплекс, 3-д № 417».

Он не сразу ответил.

Вера подождала.

— Четыреста семнадцатый, — произнёс Алексей.

— Что?

— Заводской номер судна.

— Того, на котором работал ваш брат?

Он кивнул.

Номер он помнил лучше даты спуска. Он стоял на каждом листе дела, на обложке папки, на уведомлении, которое матери принесли под подпись.

Вера положила рядом планшет.

Открыла фотографию борта, сделанную со вспышкой.

— Здесь название. А дальше, ближе к корме, табличка. Я сначала не заметила.

Она увеличила снимок.

Прямоугольник на металле был виден плохо. Часть надписи съел блик, но нижняя строка сохранилась.

Алексей смотрел на цифры.

Теперь версия о другом судне требовала ещё и совпадения номера.

— Ланскому вы сказали? — спросил он.

— О фотографии таблички нет. Он позвонил раньше, чем я её рассмотрела.

— А что сказали?

— Что в доке находится судно, которого не было во время моего осмотра. Он ответил, что постановка предусмотрена графиком.

— За четыре часа?

— Я спросила, почему не было уведомления. Он сказал, что это служебное упущение.

— Удобно.

Вера закрыла фотографию.

— Потом он попросил перечислить, кто заходил со мной. Фамилии, должности. На каком основании вы присутствовали.

Алексей прислонился к стене.

Из диспетчерской доносился разговор о машине, застрявшей у склада. Кто-то требовал найти водителя, кто-то объяснял, что водитель ушёл ужинать. Обычная смена продолжалась в двух метрах от них.

— И что теперь? — спросил он.

— Я хочу повторно снять показания. На том приборе, которым пользовалась днём. У него автономное питание, данные сохраняются внутри.

— Если вас отправили до утра?

— Проверку судна отправили до утра. За своё оборудование я пока отвечаю.

— Вы просто хотите посмотреть ещё раз.

Вера убрала распечатки в папку.

— Да. И убедиться, что я не совершила ошибку. Желательно такую, которая объяснит всё остальное.

Она посмотрела на него.

— Вы можете показать, где проходит старый кабельный ввод? До щитовой. Без переключений и без выхода на судно.

Алексей достал телефон.

На экране по-прежнему было сообщение дочери: «Я вот тут буду».

Он представил школьный зал, тесные ряды стульев, чужие затылки. Свою куртку на коленях. Машу у края сцены, которая наконец перестанет смотреть на дверь.

— Десять минут, — сказал он. — Потом вызываем тех, кто должен этим заниматься.

— Согласна.

На северном посту телевизор был выключен.

Охранник сидел за столом и разговаривал по телефону. Увидев их, прикрыл трубку ладонью.

— Ключ?

Вера кивнула.

Он достал связку.

— Расписывайтесь.

— Старший был? — спросила она.

— Звонил.

— Что сказал?

Охранник подвинул журнал.

— Ваш допуск действует до окончания работ. Если потребуется борт — отдельно согласовать.

Алексей посмотрел на него.

— А судно?

Охранник отвёл глаза к телефону.

— Зафиксировано.

Вера расписалась. На этот раз поставила время сама.

Двадцать два семнадцать.

Они вышли.

Машины Белова у ограды не было.

Алексей оглядел проезд, потом окна дока. Наверху всё оставалось тёмным.

— Ночью снаружи вообще света не видно, — сказала Вера.

— Лампы ниже окон. Отсюда и не должно.

Он был рад вопросу, на который знал ответ.

У двери Вера достала прибор из жёсткого чехла. Алексей открыл замок, пропустил её и придержал полотно, пока она проходила.

На лестнице горел один светильник. Второй, тусклый, теперь погас совсем.

Они поднялись до площадки под галереей. Здесь, за металлическим ограждением, шёл старый кабельный проход. На стене сохранились кронштейны, часть трассы уходила под обшивку.

Вера присела, проверяя маркировку.

Алексей посветил ей.

— Это до реконструкции. Новую пустили выше. Вон тот лоток.

Она подняла голову.

— А ниже?

— Ниже береговое.

— На схеме его нет.

— В списании должно быть.

Вера поднесла прибор ближе к трассе, подождала, посмотрела на показания.

— Что? — спросил Алексей.

— Сейчас.

Она повторила измерение в другом месте.

Сверху донёлся короткий скрежет.

Оба замерли.

Звук был похож на стул, который протащили по металлическому полу.

— На галерее? — тихо спросила Вера.

Алексей прислушался.

Гул шёл оттуда же, ровный, без изменений. Потом в воде что-то плеснуло.

— Может, с судна.

Он хотел крикнуть, есть ли кто-нибудь наверху, но остановился. Сам не понял почему.

Вера убрала прибор в чехол.

— Проверим с порога. И уходим.

Дверь на галерею оставалась закрытой.

Алексей толкнул её плечом.

Корабль стоял там же. Белые лампы, мокрая палуба, тёмные иллюминаторы. Теперь, когда он знал номер, корпус казался ещё знакомее.

Он попытался вспомнить, где именно снимал брата. Чуть дальше, у той двери? Или с другой стороны надстройки?

— Эй! — позвал он. — На судне есть кто-нибудь?

Голос вернулся из-под крыши.

Вера остановилась рядом с дверью, держа фонарь на уровне пояса.

Они ждали.

На палубе никто не появился.

Алексей сделал шаг вдоль перил, пытаясь рассмотреть пространство за выступом надстройки.

Там находился штатный выход с судна. Но трапа между бортом и галереей не было.

— Корнев, — сказала Вера.

Он обернулся.

Она смотрела ниже, на стальную дверь в борту. На первом осмотре Алексей её не заметил: дверь находилась почти под ними, чуть выше уровня воды.

Теперь из-за неё донёсся удар.

Один.

Алексей опустил фонарь. Свет лёг на прямоугольное полотно, на петли, на выступающие головки креплений.

Второй удар пришёлся примерно в середину.

Вера шагнула ближе к перилам.

Третий прозвучал сильнее.

Три удара. Ровные промежутки. Так стучат, когда знают, что с другой стороны могут услышать.

Алексей наклонился над ограждением.

— Кто там?

Он ждал ответа, освещая дверь.

На последнем слове гул оборвался.

Стало слышно, как вода касается бетонной стены.

А потом за дверью, у самого металла, кто-то кашлянул.

Глава 3. Запись на завтра

Кашель повторился.

Сухой, надсадный. Человек за дверью будто пытался вдохнуть и не мог.

Алексей подался вперёд.

— Слышите меня?

Снизу донёсся скребущий звук. Потом что-то негромко стукнуло о металл.

Вера уже смотрела по сторонам.

— Где здесь выход к воде?

— С той стороны. Но лестницы затоплены.

— Эту дверь снаружи можно открыть?

Алексей направил фонарь на запор.

С такого расстояния было видно только обведённое светлой краской полотно и несколько выступающих деталей. Вода стояла примерно на полметра ниже порога.

— Не отсюда.

Он снова позвал:

— Отойдите от двери! Мы вызовем помощь!

В ответ — ничего.

Гул, оборвавшийся перед кашлем, не возобновлялся. Без него док казался ещё больше. За кормой капала вода. Где-то в глубине здания дребезжало незакреплённое стекло.

Вера подняла телефон.

Связи не было.

— Я на пост.

— Идите.

Она посмотрела на него.

— С галереи не уходите.

Алексей кивнул.

Когда дверь за Верой закрылась, он опустил на одно колено и просунул фонарь между стойками ограждения.

Внизу свет отражался от воды и бил обратно в глаза. За бортом, почти под самой дверью, плавало что-то светлое. Алексей сначала решил, что это рука, и ощутил неприятную слабость в животе.

Но предмет повернулся.

Пластиковая канистра. Пустая, без крышки.

Он медленно выдохнул.

— Помощь идёт, — сказал он вниз.

Теперь ему было важно говорить. Если за дверью человек, пусть слышит, что его не бросили.

— Мы вас слышали. Держитесь там.

Он прислушался.

Внутри корабля кто-то прошёл.

Не рядом с дверью — выше. Несколько шагов, короткая остановка, затем ещё два.

Алексей поднял фонарь.

Луч прошёл по палубе. У поручня ничего не было. Дверь надстройки, которую он видел во время первого осмотра, оставалась закрытой.

— Эй! — крикнул он. — У вас внизу человек!

Шаги прекратились.

Алексей подождал, чувствуя, как затекает нога.

— Вы слышите?

На корабле погасла одна лампа.

Та, что освещала узкий проход между надстройкой и бортом.

Остальные продолжали гореть.

Вера вернулась с Беловым и охранником.

Мастер шёл первым. Алексей услышал его ещё на лестнице: тяжёлые шаги, короткий вдох на каждом пролёте.

— Где?

Алексей показал вниз.

— Три раза постучал. Потом кашлял. И наверху кто-то ходит.

Белов остановился у перил.

— Давно?

— Минут пять назад.

Вера подошла рядом.

— Аварийную группу вызвали. Им нужен проход с той стороны, через насосную. Охрана встречается.

— А этот зачем? — Алексей кивнул на охранника.

Тот держал в руке рацию и старался смотреть сразу на весь корабль.

— Не начинай, — сказал Белов.

Вера достала телефон.

— Ланской был на связи. Сказал, на борту может находиться техническая группа.

Алексей повернулся к ней.

— Может?

— Его слова.

— И чего группа молчит?

— Не знаю.

Белов наклонился над ограждением.

— На судне! Отзовитесь!

Никакого ответа.

Мастер выпрямился и посмотрел на охранника.

— На посту останься. Когда придут наши, сразу сюда води.

Охранник не двинулся.

— Мне старший сказал с вами быть.

— Тогда свяжись с ним. Здесь человек заперт.

Рация ожила, едва он нажал кнопку. Сквозь треск прозвучал обрывок чужой фразы.

Белов махнул рукой в сторону двери.

Охранник отошёл на лестницу.

Алексей следил за лицом мастера.

— Вы ведь знаете, как туда попасть.

— На судно обычно по трапу попадают.

— А где он?

Белов посмотрел вдоль галереи.

В двадцати метрах от них стояло ограждение из сетчатых секций. За ним под пыльным чехлом лежала длинная металлическая конструкция.

Алексей принял её за остатки снятого оборудования.

Мастер подошёл к ограждению. На одной из секций висела цепь с замком. Белов достал ключи.

Вера осталась у Алексея.

— Он откуда их взял? — тихо спросила она.

— Не с поста.

Замок открылся.

За сеткой находился береговой переходный мостик. На ограждении сохранились бирка осмотра и сложенная цепочка. Под чехлом металл выглядел чистым.

Слишком чистым для того, что якобы несколько лет стояло без дела.

Белов снял чехол, не глядя на них.

— Помоги.

Алексей подошёл.

— Вы говорили, здесь никаких работ нет.

— Потом поговорим.

— Вы с самого начала знали.

Мастер опустил руки.

На секунду Алексей решил, что тот сейчас закричит. Но Белов только спросил:

— Человек там кашлял?

— Да.

— Тогда помоги.

Они освободили площадку. Белов работал уверенно, не искал крепления и ни разу не остановился, чтобы понять, как устроен механизм. Вера светила и следила за противоположным концом мостика.

Когда тот лёг на судовую площадку, металл коротко лязгнул.

Алексей посмотрел на мастера.

— Вы этим недавно пользовались?

Белов проверил, как лёг переход.

— Я пойду первый.

— Нет.

Мастер поднял голову.

— Что — нет?

— Вы у лестницы еле отдышались. Здесь оставайтесь. Встретьте группу и покажите дверь. Я посмотрю с палубы, есть ли проход вниз.

— Лёша...

— Там тесно. Если понадобится кого-то вытаскивать, вы только застрянете.

Сказано было грубо, но по делу. Алексей видел, что мастер это понял.

Вера приблизилась.

— Я с ним.

Белов посмотрел сначала на неё, потом на Алексея.

— До палубы. Внутрь глубоко не лезть. Если кто-то отзывается — сразу сообщаете. Никаких переключений.

— Мы слышали.

— Корнев.

Алексей остановился у мостика.

— Если свет погаснет — назад. Сразу.

Он хотел спросить, почему мастер выделил именно это, но снизу, за стальной дверью, снова что-то стукнуло.

Белов резко повернулся к звуку.

Алексей шагнул на мостик.

Под ногами тихо зазвенел металл.

Пять метров оказались длиннее, чем выглядели с галереи. Вода внизу была чёрной. Отражения ламп ломались от небольших волн, хотя ветра внутри дока не было.

На середине Алексей почувствовал запах.

Старый дизель, сырой утеплитель, остывшее машинное масло. В мастерских пахло иначе. Этот запах держался в закрытых помещениях, где долго работали люди, а потом ушли, оставив всё как есть.

На палубе лежала тонкая плёнка воды.

Алексей переступил через край площадки и обернулся к Вере. Она перешла быстро, крепко держась за поручень.

Белов остался на галерее.

Отсюда он казался неожиданно далёким.

— На судне! — позвал Алексей. — Есть кто-нибудь?

Дверь надстройки находилась в трёх шагах.

Теперь она была приоткрыта.

Алексей остановился.

— Видели? — спросил он тихо.

Вера кивнула.

На первом осмотре дверь была закрыта. Он точно помнил светлую ручку поперёк серого полотна.

Внутри горела тусклая лампа.

— Мы с завода, — сказал Алексей. — Кто стучал в нижнюю дверь?

Из проёма потянуло тёплым воздухом.

Алексей взялся за край двери и открыл шире.

За ней начинался короткий коридор. Пожелтевшая обшивка, поручень вдоль стены, резиновое покрытие на полу. Справа — лестница вниз. Слева — закрытая дверь с табличкой, которую под таким углом было не прочесть.

На нижних ступенях блестела вода.

— Петрович! — позвал Алексей через плечо. — Здесь лестница вниз. Вода стоит. Пусть группа берёт освещение.

Белов что-то ответил с галереи.

Алексей разобрал только:

— ...не спускайтесь!

— Не спускаемся!

Вера подняла фонарь.

На поручне виднелся мокрый след ладони.

Он тянулся несколько сантиметров и обрывался у крепления.

Она посмотрела на Алексея.

Он уже видел.

— Здесь кто-то есть, — сказала она.

— Да.

Алексей вошёл в коридор.

Не для того, чтобы искать. Пока — только посмотреть за угол, проверить, не лежит ли человек у лестницы.

Вода покрывала нижнюю площадку. Над ней плавал обрывок упаковки. На стене, возле поворота, мерцала аварийная лампа.

Снизу больше не стучали.

Зато наверху раздался щелчок.

Алексей поднял голову.

Над входной дверью начиналась ещё одна лестница, узкая, с крутым поворотом. Оттуда падал прямоугольник света.

— Кто наверху? — спросил он.

Тишина.

Вера осталась у входа.

— Алексей.

Он впервые услышал от неё своё имя.

Она смотрела на стену возле лестницы.

Там висела схема расположения помещений. За мутным пластиком виднелись несколько палуб, обозначения кают и технических отсеков.

На краю листа коричневела полоса. Пластик над ней вздулся.

Алексей провёл светом выше.

По обшивке шёл след копоти.

Его пытались отмыть. Внизу стена была светлее, а под потолком тёмная полоса сохранилась.

Вера ничего не сказала.

Он тоже.

Они оба успели подумать, что пожар на судне был, вероятно, совсем не тем событием, о котором им хотелось сейчас узнать.

Снаружи скрипнул мостик.

— Николай Петрович? — позвала Вера.

— Я здесь! — донеслось с галереи.

Алексей оглянулся.

По переходу никто не шёл.

Мостик слегка качнулся и затих.

Они поднялись на верхнюю площадку.

Алексей объяснил себе это просто: внизу вода, наверху сухо, а свет означает, что там может быть вахтенный или кто-то из технической группы. Достаточно найти человека и спросить, как открыть нижнюю дверь.

Вера пошла следом.

На площадке находились две двери. Одна, слева, была закрыта. На второй висела табличка «РУБКА».

Дверь стояла открытой.

В рубке горела настольная лампа.

Её свет падал на край стола, бумажную карту и раскрытую тетрадь. Большие стёкла впереди отражали тусклые приборные панели. За ними темнела стена дока.

Кресло у пульта было отодвинуто.

На сиденье лежало сложенное полотенце.

— Есть кто-нибудь? — спросила Вера.

Алексей вошёл и сразу посмотрел за дверь.

Пусто.

В рубке было тепло. На стекле со стороны носа собрались мелкие капли. Под лампой стояла металлическая кружка. На дне темнела жидкость, но пар не поднимался.

Алексей коснулся края стола.

Ладонь легла в воду.

Он вытер её о штанину.

На дальней стене висели часы. Электронные цифры показывали 22:36.

Алексей поднял запястье.

22:36.

Обычное совпадение почему-то успокоило.

Вера прошла к пульту, осмотрела его, ничего не касаясь.

Большинство экранов не работало. На одном, небольшом, горела ровная зелёная линия и несколько обозначений. Алексей не стал разбирать.

Он смотрел на раскрытую тетрадь.

Толстую, в чёрной клеёночной обложке. У корешка торчали распухшие от влаги листы. Под тетрадью лежал синий карандаш, заточенный ножом.

На верхней строке открытой страницы стояло:

«22 октября».

Алексей посмотрел на часы ещё раз.

Двадцать первое.

Он знал дату. Школьное выступление завтра, в четверг. Лена дважды присылала напоминание.

Ниже была запись.

«05:41. Ланской перекрыл обратный проход. Вера осталась у управления. Связи нет».

Алексей прочитал её два раза.

Потом поднял глаза на женщину у пульта.

— Вас как зовут полностью?

Она обернулась.

— Что?

— Имя, отчество.

— Вера Андреевна. А что?

Он снова посмотрел на страницу.

В записи было только «Вера».

Имя обычное. Совпадение вполне возможное.

Но почерк...

Алексей вытащил из нагрудного кармана свою ручку, словно собирался что-то проверить, и замер с ней в пальцах.

Он плохо писал букву «д». Нижняя часть часто не замыкалась, а хвост уходил вправо, под следующее слово. В цифре четыре делал длинную поперечину. Иногда в словах пропускал мягкий знак, потом вставлял его сверху маленькой галочкой.

Здесь в слове «связи» буква «з» была переделана из двойки.

Он сам так делал, когда торопился.

— Что там? — спросила Вера.

Алексей не ответил.

На полях, возле времени, стоял короткий косой штрих. Так он отмечал строки, к которым надо вернуться.

Вера подошла к столу.

— Не трогайте пока.

Он убрал руку.

Она наклонилась, прочитала.

— Ланской?

Алексей кивнул.

Вера достала телефон и сфотографировала разворот.

— Это может быть рабочая запись.

— На завтра.

— Люди ошибаются в датах.

— Посмотрите ниже.

Под первой строкой шло ещё несколько.

«05:48. Белов не отвечает. Выход через нижнюю палубу затоплен».

«05:52. Не идти к проходной. Это уже было».

Вера медленно выпрямилась.

За стеной рубки что-то негромко гудело. Иной звук, чем тот, который они слышали с галереи: выше, с короткими провалами.

— Чья тетрадь? — спросила она.

Алексей смотрел на страницу.

— Не знаю.

Ответ получился слишком быстрым.

Вера заметила.

— Что вы увидели?

Он положил рядом с тетрадью руку, сжимавшую ручку.

— Похоже на мой почерк.

Она ничего не сказала.

Алексей был благодарен ей за эту паузу. За то, что не начала сразу объяснять, как часто люди находят сходство там, где его нет.

Он перевернул один лист.

Бумага была влажной по краю, но не слиплась.

На предыдущем развороте записей оказалось больше. Короткие строки, время, перечёркнутые слова. У самой верхней записи чернила растеклись.

«21 октября».

Алексей сглотнул.

Вера посветила, хотя настольной лампы хватало.

«20:31. Дошли до галереи. Вера снимает борт. Белов остаётся внизу».

Дальше:

«20:47. Вернулись на пост. Ланской всё оформил задним числом. Охрана верит допуску».

Вера медленно перевела взгляд на дверь.

Алексей слышал, как она вдохнула.

Время было приблизительным. Они могли ошибиться на минуту или две. Тот, кто писал, тоже мог ошибиться.

Но охранник поставил запись о судне именно в двадцать сорок семь.

Алексей помнил, как Белов назвал время.

— Кто-нибудь мог наблюдать? — спросил он.

— За галереей — да.

— Камеры?

— В щитовой есть. На галерее не видела.

— А на посту?

— Наверняка.

Она говорила спокойно, но уже не отводила глаз от тетради.

Ниже стояло:

«21:26. Ушёл на шестой. У Славы перемычка после проверки. Сняли, всё прошло. Не терять там время».

Алексей почувствовал, что пальцы стали холодными.

Он убрал ручку в карман.

— Это было, — сказал он.

Вера посмотрела на него.

— Вы ему рассказывали?

— Кому?

— Белову. Диспетчеру. Ещё кому-нибудь.

— Нет.

— Славе?

— Я с ним это делал.

Она опустила телефон.

— Он мог передать.

Алексей достал свой и набрал Славку.

Сети не было.

Он уже знал, что её нет, но всё равно дождался, пока телефон выдаст сообщение о невозможности вызова.

Вера снова подняла камеру.

Сняла страницу целиком, потом каждую запись отдельно.

Алексей заметил внизу след от кружки. Коричневатая дуга пересекала слово «время».

Тетрадь не выглядела специально подготовленным документом. В ней были пятна, спешка, короткие замечания для себя.

Именно это пугало сильнее всего.

Снизу донёсся голос Белова.

— Корнев!

Алексей резко повернулся к двери.

— Здесь!

— Вы где?!

— В рубке!

Несколько секунд было тихо.

Потом мастер крикнул:

— Назад! Я же сказал — с палубы не уходить!

Вера посмотрела на Алексея.

— Надо возвращаться.

Он кивнул.

Но не закрыл тетрадь.

Под записью про шестой заказ была ещё одна строка.

«22:17. Вернулись. Дальше не отставать от Веры».

Это было время в журнале на посту.

Вера расписалась сама.

Она тоже прочитала.

Её лицо изменилось не сразу. Сначала Алексей увидел, как она перестала шуриться. Потом она чуть отодвинулась от стола.

— Фотографируйте дальше, — сказал он.

— Алексей...

— Сейчас уйдём. Только снимите.

Она подняла телефон.

Он перевернул страницу обратно, на двадцать второе.

Записи шли до самого низа.

«05:58. Если я всё-таки выйду, не верить мне. Проверять по дочери».

У Алексея пересохло во рту.

Последняя строка была продавлена так сильно, что бумага под ней покособилась.

«06:00. Никого не выпускать на берег. Даже меня».

Он долго смотрел на эти слова.

В рубке было тепло, но его начало знобить.

Вера сделала ещё один снимок.

— Всё. Идём.

Алексей взялся за край обложки.

Она остановила его:

— Оставьте.

— Это нужно показать.

— Я сняла.

Он посмотрел на тетрадь.

Если оставить её здесь, они могут больше не попасть на борт. К тому времени, когда кто-то придёт снимать показания и задавать вопросы, на столе будет пусто.

Так уже бывало.

В кабинете одиннадцать лет назад на столе тоже лежали бумаги. Потом оказалось, что он неправильно запомнил, какие именно.

Алексей закрыл тетрадь.

На обложке белела наклейка, пожелтевшая по краям:

«Вахтенный журнал».

Ниже — приписанное от руки:

«417».

Он сунул её под куртку.

Вера смотрела неодобрительно, но спорить не стала.

Снизу снова крикнул Белов:

— Вы меня слышите?!

— Идём! — ответила она.

На лестнице Алексей споткнулся о край ступени.

Тетрадь мешала под курткой. Он прижал её локтем, ухватился за поручень.

Вера остановилась ниже.

— Нормально?

— Да.

Теперь коридор казался другим. Те же стены, схема под пластиком, копоть под потолком. Но Алексей уже искал, что здесь могло произойти между половиной одиннадцатого вечера и шестью утра.

Вода внизу оставалась неподвижной.

— Эй! — позвал он в нижний проход. — Вы там?

Ответа не было.

Он задержался.

— Группа уже подходит, — сказала Вера. — Белов говорил.

Алексей ещё несколько секунд смотрел на поворот затопленной лестницы, потом вышел на палубу.

Мастер стоял у дальнего конца мостика.

Рядом появился ещё один человек — в тёмной куртке с широкими светоотражающими полосами. За ним виднелись двое с сумками и переносным освещением.

Помощь наконец пришла.

Алексей почувствовал облегчение, почти стыдное после того, что только что прочитал. От этих сумок, от знакомой рабочей одежды, от человека, который деловито проверял дорогу через ограждение.

Он пошёл по мостику следом за Верой.

На середине снова запахло дизелем.

Алексей невольно оглянулся.

В рубке горела настольная лампа.

С галереи её прежде не было видно, но теперь в боковом стекле ясно белел небольшой прямоугольник.

Ему показалось, что возле стола стоит человек.

Алексей остановился.

— Идите, — сказала Вера, уже шагнув на береговую площадку.

Он присмотрелся.

В стекле отражалась стойка.

Только стойка, часть кресла и свет.

Алексей сошёл с мостика.

Белов сразу взял его за рукав.

— Ты зачем полез наверх?

— Там свет горел.

— Я тебе что сказал?

— Мы искали людей.

— Для этого группа идёт!

Человек в светоотражающей куртке вмешался:

— Николай Петрович, дайте пройти. Где стучали?

Белов отпустил рукав.

Вера показала вниз, начала объяснять про дверь и лестницу. Мужчина слушал, задавая короткие вопросы.

Алексей отошёл на два шага и вытащил тетрадь.

Белов увидел.

Глаза мастера остановились на чёрной обложке.

— Что это?

— В рубке лежало.

— Положи обратно.

Алексей поднял на него взгляд.

— Почему?

— Потому что судовое имущество нельзя выносить.

— Сейчас верну. Сначала прочитайте.

Он раскрыл журнал на нужной странице.

Белов даже не наклонился.

— Я сказал, положи обратно.

— Петрович.

Алексей поднёс разворот ближе.

На странице с двадцать первым октября после записи о возвращении была строка, которую они пропустили.

До этого её закрывал загнутый край листа.

«23:10. Шестой заказ. Дима пойдёт за переноской на верхнюю площадку. Ступень под настилом не закреплена. Правая нога. Остановить до подъёма».

Алексей посмотрел на время.

22:49.

Он знал Диму. Молодой слесарь, третий месяц на участке. Славка сегодня с ним работал.

Белов наконец прочитал.

— Кто это написал? — спросил он.

Алексей не ответил.

Мастер взялся за край страницы. Его пальцы закрыли время.

— Лёша. Откуда у тебя это?

Вера закончила объяснять аварийной группе и повернулась к ним.

— Что там?

Алексей показал строку.

Она прочитала, затем посмотрела на часы.

Алексей уже убирал тетрадь под куртку.

— Мне на шестой.

Белов шагнул перед ним.

— Подожди.

— Нет.

— Там обычная работа. Ребята разберутся.

Алексей посмотрел на него.

Потом обошёл мастера и пошёл к выходу с галереи.

У двери он достал телефон, хотя связи здесь всё ещё не было. Открыл номер Славки, готовясь нажать вызов сразу, как только выйдет наружу.

До двадцати трёх десяти оставалась двадцать одна минута.

Глава 4. Проверка

Телефон поймал сеть у наружной двери.

Алексей нажал вызов ещё до того, как вышел под дождь.

Славка ответил не сразу.

— Ну?

— Дима с тобой?

— А что?

— С тобой?

— Здесь где-то. Ты чего орёшь?

Алексей прикрыл рукой телефон от воды.

— На верхнюю площадку его не пускай.

— Куда?

— На шестом. За переноской. Пусть не лезет вверх.

В трубке что-то загремело. Славка отодвинул телефон, окликнул кого-то и вернулся к разговору:

— Он с Серёгой внизу. Какую переноску?

— Я сейчас подойду. Скажи, чтобы вверх не поднимался.

— Лёх, что случилось?

— Ступень там не закреплена.

После короткой паузы Славка спросил уже иначе:

— Видел?

Алексей посмотрел на чёрную дверь дока.

— Проверь.

— Ладно.

Связь прервалась.

На экране было двадцать два пятьдесят одна.

Вера вышла следом. В руке у неё оставался телефон, пальцы другой руки сжимали ремешок чехла.

— Дозвонились?

— Да.

— Что сказал?

— Что Дима внизу.

Алексей пошёл к калитке.

— Я с вами.

Он не ответил. Сейчас ему было всё равно, кто идёт рядом, лишь бы не пришлось снова объяснять, откуда взялась запись.

Вода собиралась на краю каски и срывалась за воротник. Алексей шагал быстро, выбирая освещённые места. Один раз нога попала в выбоину, ботинок зачерпнул воду.

— Не бегите, — сказала Вера.

Он сбавил шаг.

По правую сторону забор кончился. Здесь начинался короткий путь между старым складом и ремонтным корпусом. Днём через него ходили постоянно, но сейчас лампа на углу не горела.

Алексей направил туда фонарь.

Поперёк прохода лежал толстый рукав. За ним стояли две пустые тележки.

— Обойдём, — сказал он.

На минуту внутри поднялась злость.

На тележки. На мокрый ботинок. На Славку, который не сразу понял. На собственное решение уйти из цеха и полезть на старый корабль.

Ещё час назад всё было ясно: найти перемышку, проверить шкаф, сдать работу, утром уехать к дочери.

Теперь под курткой у него лежала тетрадь с завтрашней датой.

— Может быть, это чья-то подготовка, — сказала Вера.

Алексей посмотрел на неё.

— Что?

— Запись про Диму. Кто-то знает, что площадка неисправна. Знает его задание.

— Кто?

— Не знаю.

— И пишет моим почерком?

Она выдержала его взгляд.

— Я пока не знаю, ваш ли это почерк.

Он отвернулся.

Вера не стала добавлять ничего успокаивающего.

За складом открылся длинный фасад сборочного цеха. Под козырьком курили двое. Один поднял голову.

— Корнев! Белов тебя ищет!

Алексей махнул рукой и прошёл мимо.

— Слышал?

— Слышал.

До входа на шестой заказ оставалось меньше ста метров.

Славка ждал возле бытовки.

На нём была расстёгнутая куртка, в руке — телефон.

— Ты где ступень видел?

Алексей остановился перед ним.

В цехе было шумно. В дальнем конце работала вентиляция, за перегородкой несколько раз ударили кувалдой. Где-то над головами двигался кран.

— Сначала Диму покажи.

Славка нахмурился.

— Он в носовом. Сказал, чтобы не лазил. Теперь говори.

— Сейчас.

Алексей прошёл мимо него.

Шестой заказ стоял на стапельном месте, окружённый лесами и временными площадками. Из-за обшивки торчали кабели, на борту мелом были написаны номера помещений. Свет внутри корпуса горел не везде.

У входа на рабочий ярус стояла тележка с инструментом.

Дима присел возле неё и разматывал удлинитель. Молодой, худой, в новой куртке, ещё не успевшей потерять цвет. Из-под каски выбивались светлые волосы.

Рядом Сергей, слесарь из соседней бригады, искал что-то в сумке.

— Вот он, — сказал Славка за спиной Алексея. — Живой, целый, никуда не лезет.

Дима поднял голову.

— А что за проверка?

Алексей посмотрел на переноску у него в руках.

— За этой собирался?

Дима нахмурился.

— За какой?

— На верхнюю площадку.

— Там другая. Эта короткая.

Он потянул провод, освобождая зацепившуюся петлю.

— Мне сказали с верхнего яруса взять, но Слава позвонил. Я пока эту нашёл.

Алексей почувствовал, как спина под мокрой курткой стала холодной.

— Кто сказал?

Сергей выпрямился.

— Я сказал. Нам вниз в отсек свет нужен. Что случилось-то?

Славка уже смотрел на Алексея без раздражения.

— Где ступень?

— Покажите, как туда подниматься.

Сергей отложил сумку.

— Пойдём.

Они обошли тележку и направились вдоль борта.

Вера осталась с Димой.

Лестница на верхнюю площадку была временной, но стояла здесь давно. Алексей помнил её: две прямые секции, промежуточная площадка, ограждение из труб. На второй секции висела связка кабелей, прибранная к стойке.

Сергей указал наверх.

— Переноска за коробом. Её днём там оставили.

Славка поднял фонарь.

— Какая ступень?

Алексей не знал.

Он чувствовал на себе взгляды обоих.

— Под верхним настилом.

Сергей подошёл ближе и осветил соединение.

Внешне всё выглядело нормально. Металл, следы грязных подошв, ободранная краска на краях.

Алексей уже представил, как сейчас ничего не найдут. Как придётся показать тетрадь или соврать, что кто-то предупредил. Как Славка вечером перескажет всё остальным, не со зла, просто потому что история странная.

Сергей положил ладонь на ограждение.

— Я сам тут часа два назад ходил.

— Не поднимайся, — сказал Алексей.

Тот обернулся.

— Да я только гляну.

— Снизу глянь.

Славка шагнул между ними.

— Серёг, подожди. Возьми длинный свет. С этой стороны не видно.

Сергей посмотрел на Алексея, потом ушёл к тележке.

Несколько секунд они стояли молча.

— Ты от кого узнал? — тихо спросил Славка.

— Потом.

— Лёха.

Алексей не ответил.

Славка присел сбоку, направил луч под настил и выругался.

Коротко, почти буднично.

— Что?

— Вот.

Он подвинулся.

Алексей наклонился.

Один край верхней ступени держался на месте. Другой сошёл с опоры и лёг на тонкий выступ металла. Сверху этого почти не было видно. Под весом человека ступень могла про-
вернуться.

Алексей смотрел на узкую полоску, на которой всё держалось.

В тетради было написано: «Правая нога».

Он невольно опустил взгляд на собственный ботинок.

Сергей вернулся со светильником. Славка показал ему снизу.

Тот помолчал.

— Её сегодня переставляли.

— Кто?

— Леса подвигали после обеда. Временные. Я думал, уже приняли.

Славка выпрямился.

— Никого сюда. Зови мастера участка.

— Я сейчас...

— Сначала ограждение поставьте. И другой проход ищите.

Сергей кивнул и пошёл обратно уже быстрее.

Алексей остался у лестницы.

Событие из записи ещё не произошло. Но место было здесь, Дима был здесь, переноска
ждала наверху.

Чтобы с ним случилось то, что описано в тетради, требовалось совсем немного.

Обычная просьба. Несколько шагов.

В бытовку они зашли через десять минут.

Славка закрыл дверь и сразу спросил:

— Теперь объяснишь?

Алексей снял каску, поставил на край стола. Вода с неё потекла на старую газету.

Вера осталась у двери.

Из цеха доносились голоса. У лестницы уже разбирались без них: пришёл сменный
мастер корпуса, кого-то вызвали по внутреннему телефону. Дима сидел снаружи на ящике и
ждал нового задания.

Алексей достал тетрадь.

Славка сначала посмотрел на обложку, потом на него.

— Это что?

— На том судне нашли.

— На каком судне?

— В третьем доке.

Он раскрыл нужную страницу.

Славка прочитал строку про Диму.

Потом ещё раз, медленнее.

— Кто написал?

— Не знаю.

— Ты мне из-за этого звонил?

Алексей кивнул.

Славка потёр переносицу.

— Подожди. Тут написано про ступень, ты её нашёл. Значит, кто-то уже видел. Почему
сразу не сказал?

Вера подошла к столу.

— Здесь ещё время.
Славка посмотрел.
— Ну?
Алексей перевёл взгляд на часы над дверью.
Двадцать три ноль шесть.
Славка проследил за ним.
Улыбнулся одним краем рта.
— А, понял. Типа через четыре минуты он должен был вернуться.
Никто не ответил.
Улыбка исчезла.
— Вы серьёзно?
Алексей перевернул лист назад.
— Прочитай про шкаф.
Славка наклонился.
«У Славы перемычка после проверки. Сняли, всё прошло».
Он медленно сел на скамью.
— Это ты написал?
— Нет.
— Почерк твой.
— Знаю.
Славка поднял голову.
— Ты меня сейчас не разыгрываешь?
Алексей покачал головой.
Вера положила рядом телефон с фотографией пустого дока.
— Это снято сегодня днём. В пятнадцать сорок две.
Потом открыла снимок корабля.
— А это вечером. Судна нет ни в одном переданном нам документе.
Славка посмотрел на оба изображения.
— Ну, закрытый заказ.
— Возможно.
— А тетрадь кто-то подкинул.
— Возможно.
— И ступень видел. А про перемычку... — Он осёкся, глядя на Алексея. — Мы с тобой вдвоём были.
Алексей молчал.
Славка провёл ладонью по лицу.
— Телефон на столе лежал?
— Лежал.
— Может, слушают?
Вера не стала спорить.
— Поэтому мы пока и не делаем выводов.
— Да уж.
Славка снова наклонился к журналу.
Алексей хотел закрыть его, но не успел.
Взгляд Славки остановился на записи с шестью часами.
Он прочитал её молча.
Потом поднял глаза на Алексея.
— А это что значит?
— Не знаю.

Из цеха заглянул Дима.

— Слава, там тебя просят. По лестнице.

Славка встал не сразу.

— Иду.

Дима заметил, что все смотрят на него.

— Чего?

— Ничего, — ответил Алексей.

Парень не поверил.

— Я её не трогал. Мне только сказали подняться.

— Знаем. Ты нормально всё сделал.

Дима постоял в дверях, будто ждал продолжения, потом ушёл.

Славка задержался возле Алексея.

— Ты с этой тетрадью аккуратнее.

— В смысле?

— Не знаю в каком. Просто аккуратнее.

Он вышел и закрыл дверь.

Настенные часы щёлкнули.

Минутная стрелка перешла на десять.

В двадцать три двенадцать Дима сидел на том же ящике и ел яблоко.

Правая нога была цела. Левая тоже.

Алексей вышел из бытовки и остановился напротив него.

Дима поднял глаза.

— Ну чего опять?

— Нормально всё?

— Нормально.

Он откусил яблоко.

— Только работы нет. Там пока оградил, сюда не пускают. Сейчас Серёга с другой стороны свет тянет.

Алексей кивнул.

Хотел сказать что-нибудь ещё, но ничего подходящего не нашёл.

Если поблагодарить за то, что остался внизу, прозвучит глупо. Если попросить не подниматься никуда до конца смены — ещё глупее.

— Сиди пока, — сказал он.

— Да я сижу.

Вера ждала у ворот.

Алексей подошёл к ней.

Несколько секунд они смотрели на Диму.

Он доел яблоко, завернул огрызок в бумагу и полез в карман за телефоном.

Обычный парень в обычной рабочей куртке. Ничего с ним не произошло.

Алексею стало легче.

Не полностью. Только настолько, чтобы наконец заметить, как болит шея.

— Значит, можно изменить, — сказал он.

Вера посмотрела на него.

— Если там вообще описано будущее.

— А что ещё?

— Чужой план. Предположение. Запись человека, который видел неисправность и знал, кого туда отправят.

— Про Славу тоже предположение?

Она не ответила сразу.

В цехе громко объявили фамилию крановщика. Алексей подождал, пока голос из динамика стихнет.

— Я не говорю, что вы ошибаетесь, — сказала Вера. — Я говорю, что мы пока не знаем, что именно проверили.

Алексей достал тетрадь.

— Ступень. Имя. Переноску. Время.

— Время мы не проверили. Вы остановили его раньше.

Он хотел возразить.

Потом посмотрел на Диму.

Если бы Алексей не позвонил, тот мог подняться в двадцать три ноль пять. Или в двадцать три пятнадцать. Мог наступить на середину ступени и пройти. Мог заметить, что она съехала.

Мысль неприятно задела.

Ему хотелось, чтобы после найденной неисправности хоть что-то стало определённым.

Вера заметила его выражение.

— Вы правильно сделали, что позвонили.

— Это я понял.

— И дальше нужно делать так же. Если там написано об опасности — предупреждать людей. Но это ещё не объясняет, откуда записи.

Алексей закрыл тетрадь.

Снаружи в воротах мелькнула фигура Белова.

Мастер остановился, увидев их.

На нём была та же мокрая куртка. Только папку он куда-то дел.

— Здесь всё? — спросил он.

Алексей кивнул в сторону ограждённой лестницы.

— Нашли.

— Уже сказали.

— Что сказали?

— Что ступень неисправна, проход закрыли.

Белов посмотрел на журнал в его руках.

— Дай.

Алексей не двинулся.

— Сначала скажите, что на судне.

— Работают.

— Людей нашли?

Мастер отвёл глаза к воротам.

— Нижняя дверь закрыта. К ней подходят изнутри.

— А человек?

— Пока не нашли.

— Он кашлял.

— Я помню.

Вера шагнула ближе.

— Группа спустилась?

— Осматривают доступные помещения. Там вода, просто так не пройдёшь.

Алексей видел, что мастер говорит правду. По крайней мере, сейчас. У него на лице появилось знакомое раздражение человека, которому не дают закончить неприятную работу.

— Тетрадь мне отдай, — повторил Белов.

— Зачем?

— Её надо передать ответственному.

— Кому?

— Руководителю проекта.

— Ланскому.

Белов кивнул.

Вера скрестила руки на груди.

— Мы сами передадим. Под запись. С указанием, где нашли.

— Вера Андреевна...

— Там наши фамилии, Николай Петрович. И время. В том числе то, которое ещё не наступило.

Белов помолчал.

Взгляд его переместился на Алексея.

— Ты остальные страницы читал?

Вопрос прозвучал тихо.

Алексей почувствовал, как Вера рядом перестала двигаться.

— Нет.

Мастер выдохнул.

— Тогда не надо сейчас.

— Почему?

— Потому что у тебя и так...

Он остановился.

— Что у меня?

Белов провёл ладонью по мокрому лицу.

— Пойдёмте к диспетчеру. Там будем разговаривать.

— Здесь говорите.

— Не в цехе.

Алексей посмотрел на Веру.

Она едва заметно кивнула.

На улице пахло мокрой древесиной.

От дождя осталась мелкая морось. Вдоль стены ремонтного корпуса тянулась тёмная полоса воды, с крыши падали редкие тяжёлые капли.

Белов шёл впереди.

Алексей на ходу раскрыл тетрадь, прикрывая её от дождя.

— Неудобно же, — сказала Вера. — Подождите до помещения.

Он остановился под козырьком.

Строка про Диму оставалась на месте.

Ничего не исчезло, не выцвело, не изменилось. Та же короткая запись. Те же слова: «Правая нога».

Алексей поймал себя на том, что ожидал другого.

Вера заметила.

— Что?

— Думал, может...

Он не договорил.

Она поняла.

— Бумага та же.

— Вижу.

Белов обернулся.

— Вы идёте?

— Минуту.
Ниже записи про Диму стояла следующая.
Алексей прочитал вслух:
— «Двадцать три восемнадцать. Из цеха не выпустили. Рукавом залило проход у ремонтного. Ждали, пока снимут давление. Потерял восемь минут».
Вера подняла голову.
Они оба посмотрели на часы.
Двадцать три семнадцать.
Белов стоял в десяти шагах.
— Что там ещё?
Алексей показал вперёд.
— Проход у ремонтного.
Мастер проследил за его рукой.
Проход был хорошо виден. Освещённая полоса асфальта, закрытая дверь склада, лежащий вдоль стены пожарный рукав.
Не тот короткий путь, которым они обходили тележки. Следующий, широкий, по которому ходили из цеха к диспетчерской.
Из-за угла вышел рабочий в оранжевом жилете. Нёс пустое ведро.
Прошёл вдоль рукава и исчез за складом.
Белов вернулся к ним.
— Что вы ждёте?
Алексей прочитал запись ещё раз, теперь мастеру.
Тот посмотрел на проход.
— Уборка там была. Вечером.
— Воду перекрыли? — спросила Вера.
— Откуда я знаю.
Она достала телефон, но звонить не стала.
Они ждали.
На часах сменились цифры.
23:18.
Рукав лежал неподвижно.
Белов переступил с ноги на ногу.
Алексей смотрел на соединение у стены. Представлял, как его срывает, как вода бьёт поперёк дороги и загораживает проход.
Ничего не происходило.
Через минуту из той же двери показался человек с ведром. На этот раз он нёс ещё и швабру.
Вера окликнула его:
— Вы здесь водой пользовались?
Тот остановился.
— Ну.
— Сейчас перекрыта?
— Давно.
— Когда?
— Да минут двадцать. А что?
— Ничего. Спасибо.
Рабочий пожал плечами и ушёл.
Алексей посмотрел на запись.
Она не сбылась.

Не приблизительно, не с опозданием. Он стоял в нужном месте и видел, что ничего не случилось.

Белов первым двинулся вперёд.

— Пошли.

Они прошли вдоль сухого рукава.

Алексей оглянулся дважды.

У диспетчерской мастер придержал дверь, но Вера остановилась.

— Мы сейчас подойдём.

Белов посмотрел на неё.

— Долго?

— Две минуты.

Он хотел что-то сказать, потом передумал и вошёл внутрь.

Вера дождалась, пока дверь закроется.

— Вы раньше ушли из цеха.

— На четыре минуты.

— Не только. Вы позвонили Славе. Остановили работу. Они позвали мастера. Люди начали заниматься лестницей.

Алексей раскрыл журнал на подоконнике.

— И что?

— Тот, кто должен был идти сюда, мог остаться там. Или наоборот, освободиться раньше.

Он посмотрел на проход. Теперь тот скрывался за углом.

— То есть запись неправильная, потому что мы что-то поменяли?

— Это одно из объяснений.

— А другое?

— Человек, который её написал, ошибся.

Алексей закрыл глаза на секунду.

Он устал от слова «объяснение». От версий, каждая из которых держалась на чём-то, чего они не знали.

Вера положила рядом телефон.

На экране была фотография страницы.

— Я хочу проверить то, на что мы не будем влиять.

— Опять ждать?

— Несколько минут.

Она увеличила нижний край снимка.

Последняя строчка была написана мельче остальных, почти у самого сгиба.

«23:26. Над третьим входом аварийная лампа. Три раза, потом постоянно. Белов скажет, что контакт».

Алексей прочитал.

Потом посмотрел на дверь диспетчерской.

— Он это видел?

— Не знаю.

Вера убрала телефон.

— До дока успеем.

Алексей взял тетрадь.

— А если там опять кто-то...

Он не закончил.

Вера поняла.

— Тогда посмотрим снаружи.

У северного поста охранник вышел навстречу.

— Вы опять?

— Нам только до двери, — сказала Вера.

— Там сейчас люди работают.

— Мы знаем.

Охранник посмотрел на Алексея, но ничего не добавил.

Калитка была открыта.

В проезде стояла машина аварийной группы. Задние двери распахнуты, внутри горел свет. На резиновом полу лежал моток кабеля, рядом — раскрытый ящик с инструментом.

У стены дока курили двое.

Алексей узнал одного из тех, кто приходил на галерею. Тот докурил, аккуратно погасил окурок и спрятал в маленькую металлическую банку.

— Нашли? — спросил Алексей.

Рабочий поднял глаза.

— Кого?

— Человека. Который стучал.

Тот покачал головой.

— Там всё закрыто. Ждём, кто доступ даст.

Второй мужчина посмотрел на него и коротко кашлянул.

Первый замолчал.

Вера остановилась чуть в стороне, откуда был виден служебный вход.

Над дверью горел козырьковый светильник.

Выше и правее находился ещё один — маленький, с мутным прямоугольным колпаком.

Алексей прежде не обратил на него внимания.

Сейчас он не горел.

Вера проверила время.

23:24.

Они ничего не говорили.

Изнутри дока донёсся глухой металлический шум. Один из рабочих поднял голову, прислушался и направился к двери. Второй пошёл за ним.

Алексей сделал шаг следом, но остановился.

Маленький колпак над входом оставался тёмным.

Из проезда слышались шаги.

Белов.

Он подошёл быстро, тяжело дыша.

— Вы чего ушли?

Алексей не ответил.

Мастер проследил за его взглядом.

— Что там?

— Лампа, — сказала Вера.

Белов поднял голову.

За его спиной стояла открытая калитка. В окне поста виднелся охранник с телефонной трубкой у уха.

Вера держала свой телефон перед собой, но экран был направлен к Алексею.

23:25.

— Вы можете нормально объяснить? — спросил мастер.

Алексей почувствовал, как тетрадь намокает под пальцами. Убрал её глубже под куртку.

Теперь уже не хотелось, чтобы запись подтвердилась.

Пусть лампа останется тёмной. Пусть всё окажется чьей-то глупой, злой подготовкой, в которой он разберётся утром.

Цифры на телефоне сменились.

23:26.

Над дверью вспыхнул жёлтый свет.

Погас.

Алексей перестал дышать.

Вторая вспышка.

Вера подняла телефон выше.

Третья.

Колпак потемнел на короткую секунду, затем загорелся ровно.

Белов прищурился.

— Контакт, наверное.

Алексей повернулся к нему.

Мастер ещё смотрел наверх. Потом заметил их лица.

— Что?

Вера медленно опустила телефон.

Никто не ответил.

Жёлтая лампа продолжала гореть.

В её свете Алексей впервые ясно увидел воду на рукаве мастера. Не дождевые капли — тёмную мокрую полосу, тянущуюся от локтя до самого плеча.

Белов заметил его взгляд и опустил руку.

— Надо в бытовку, — сказал он. — Всех собирают.

— Кто собирает?

Мастер посмотрел в сторону поста.

Там, за калиткой, остановилась чёрная машина. Из неё вышел мужчина без каски, в длинной тёмной куртке.

Он закрыл дверь, посмотрел на горящую лампу и сразу направился к ним.

Белов шагнул ему навстречу.

— Андрей Сергеевич.

Мужчина кивнул, но мастеру не ответил.

Смотрел на Алексея.

— Вы Корнев?

Алексей чувствовал под ладонью жёсткий край спрятанной тетради.

— Я.

Ланской остановился перед ним.

— Нам нужно поговорить о том, что вы вынесли с судна.

Глава 5. До выяснения

Алексей не убрал руку из-под куртки.

Ланской заметил это движение, но ближе не подошёл. Остановился на расстоянии двух шагов, чтобы между ними оставалось достаточно места для обычного разговора.

На вид ему было около сорока пяти. Короткие волосы, худое лицо, тёмная куртка без заводских нашивок. На обуви — почти никакой грязи. Он только что вышел из машины, но Алексей всё равно отметил чистые ботинки.

— На борт посторонним входить нельзя, — сказал Ланской.

— Там человек стучал.

— Мне передали.

— Вы знаете, кто?

— Выясняем.

Он говорил негромко. Не приходилось повышать голос даже здесь, рядом с доком: остальные сами замолкли, когда он подошёл.

Вера убрала телефон в карман.

— Зимина. Мы разговаривали.

— Помню.

— На судне кто-то есть. Мы слышали шаги. В нижнем помещении человек кашлял. Вашей группе не дали доступ.

Ланской повернулся к Белову.

— Кто сейчас старший?

— Егоров.

— Пусть остаётся у входа. Внутрь пока не спускаться.

Алексей посмотрел на служебную дверь.

— Там его и оставим?

— Если нижние помещения затоплены, отправлять туда ещё людей без понимания обстановки я не буду.

— А те, кто уже там?

— Мы пытаемся установить связь.

Ответ был разумным. Именно поэтому возразить оказалось трудно.

Ланской снова посмотрел на Алексея.

— Что вы взяли в рубке?

— Тетрадь.

— Дайте посмотреть.

— Сначала скажите, что это за судно.

Рядом Белов чуть повернул голову.

Ланской задержал взгляд на лице Алексея.

— Исследовательское.

— Название я видел. Номер тоже.

— Тогда что именно вы хотите узнать?

— Как оно здесь оказалось.

Ланской посмотрел на аварийную лампу над входом. Жёлтый свет ложился ему на щёку.

— Такие вещи под дождём не обсуждают. Пойдёмте в помещение.

Он развернулся, давая понять, что разговор продолжится там.

Белов двинулся следом.

Вера осталась рядом с Алексеем.

Ланской сделал несколько шагов и остановился.

— Вы идёте?

Алексей посмотрел на тёмные окна дока.

Там ничего не изменилось.

Только маленькая лампа, которая ещё минуту назад должна была помочь им проверить запись, теперь освещала вполне обычную сцену: начальник приехал разбираться с ночной аварией, мастер ждёт распоряжения, рабочий не хочет отдавать найденную вещь.

— Идём, — сказала Вера.

Она произнесла это для Алексея.

Он убрал руку из-под куртки и пошёл.

На северном посту охранник стоял у стола.

Рядом с ним появился второй — молодой, с коротко подстриженными волосами и рацией на плече. В руках он держал раскрытую папку.

Ланской остановился в дверях.

— Доступ сюда только по согласованию со мной. Аварийная группа остаётся. Если кто-то из работников хочет пройти на участок, направляете к диспетчеру.

Молодой охранник кивнул.

Тот, который сидел здесь весь вечер, спросил:

— А выход?

Ланской посмотрел на него.

— Какой выход?

— С территории. У меня трое подрядчиков ещё в насосной.

— Пока приостановите. До уточнения списков.

Охранник достал ручку.

— Всем?

— Всем, кто находился на северном участке.

— Основание как записать?

— Временное ограничение в связи с техническим происшествием. Начальник смены уведомлён.

Алексей остановился.

— То есть выйти нельзя?

Ланской повернулся к нему.

— Сейчас соберём людей, проверим, кто где работал, и разберёмся.

— Я спросил про выход.

— На время проверки — да, ограничен.

Вера посмотрела на охранника. Тот уже записывал распоряжение.

Алексей вспомнил строку: «Ланской перекрыл обратный проход».

В тетради речь шла о пяти сорока одной. Сейчас не было и половины двенадцатого.

Может, запись означала другое место. Дверь на корабле. Проход внизу.

Ему не понравилось, как быстро он начал искать объяснение, позволяющее словам сбыться.

— У меня смена до восьми, — сказал Алексей. — Но если мне понадобится уехать?

— Обратитесь к начальнику смены.

— Он ко мне, — добавил Белов.

Ланской не стал продолжать. Вышел из поста и направился к машине.

Алексей ждал, что тот сядет за руль, но из салона появился водитель. Получил короткое распоряжение и уехал в сторону главного проезда.

Сам Ланской пошёл пешком.

Их привели в учебную комнату над диспетчерской.

Алексей бывал здесь на инструктажах. Ряды стульев, белая доска, шкаф с касками и старыми папками. На стене висел плакат с человеком, который правильно держал огнетушитель. У человека было спокойное лицо, никак не связанное с происходящим вокруг.

В комнате уже сидели шестеро.

Двое из насосной, знакомый Алексею стропальщик и трое в одинаковых синих куртках без надписей. На подоконнике стоял открытый термос. Один из мужчин держал пластиковый стаканчик обеими руками.

Славка сидел у прохода.

Увидев Алексея, поднялся.

— Что опять?

— Тебя зачем привели?

— Сказали, кто с тобой на участке был, всем сюда.

За ним, у стены, стоял Дима. В одной руке — телефон, в другой — недоеденная булка.

Алексей посмотрел на его ноги.

Дима поймал взгляд.

— Да целый я.

Ему уже начинало надоедать.

— Садитесь, — сказал Белов.

Вера выбрала стул возле двери. Алексей сел рядом. Славка опустился с другой стороны.

Ланской остался у доски.

Он не взял маркер и не стал писать фамилию. Подождал, пока закроют дверь.

— Андрей Сергеевич Ланской. Руководитель работ на северном испытательном участке. Сегодня во время подготовки оборудования возникла нештатная ситуация. Сейчас участок проверяется.

Мужчина со стаканчиком поставил его на подоконник.

— Мы свою работу сдали в девять. Нам домой.

— Я понимаю. Нужно уточнить ваши перемещения по участку.

— У кого уточнить? Я у охраны три раза расписался.

— Это займёт не больше часа.

Алексей посмотрел на настенные часы.

23:41.

Ланской продолжал:

— До завершения проверки прошу не возвращаться к доку, не заходить в насосную и не пытаться самостоятельно выяснять, какое оборудование работает. Если вы что-то видели или слышали, сообщите Николаю Петровичу. Он передаст мне.

— Человека нашли? — спросила Вера.

Ланской перевёл на неё взгляд.

— Поиск продолжается.

— Там есть экипаж?

— Штатного экипажа нет.

— А техническая группа?

Он чуть помедлил.

— По спискам все вышли.

В комнате стало тише.

Алексей почувствовал, как рядом перестал двигаться Славка.

— Тогда кто там стучал? — спросил кто-то сзади.

— Это и устанавливаем.

Мужчина со стаканчиком поднял руку, будто на занятии.

— А ситуация какая? Электрика? Вода? Нам одежду потом нести сдавать?

— На данный момент оснований для этого нет.

— Значит, ничего опасного?

Ланской посмотрел на него.

— Если бы я мог сейчас дать окончательный ответ, мы бы здесь не собирались.

Мужчина убрал руку.

Ответ снова звучал разумно. Алексей уже начинал замечать, как это работает: Ланской не отрицал очевидного, не обещал полной безопасности, не говорил, что все ошиблись. Он просто отвечал ровно настолько, чтобы дальше спрашивать было неудобно.

Славка наклонился к Алексею.

— Он про корабль?

Алексей кивнул.

— Тот самый?

Он снова кивнул.

Славка посмотрел на Ланского.

Теперь уже иначе.

— Нам на шестом работу заканчивать, — сказал Белов. — Кто там задействован, потом вернётесь. Сначала по одному подойдёте к диспетчеру, отметим, где были.

— Я на севере вообще не был, — отозвался Дима.

— Ты с Корневым работал.

— Я со Славой работал.

Белов устало провёл ладонью по лицу.

— Дим, пять минут. Не спорь.

Ланской посмотрел на парня. Задержался на нём чуть дольше, чем требовалось.

Алексей заметил.

Рука сама легла на тетрадь под курткой.

— Связь ограничивать будете? — спросила Вера.

— Нет.

— Фотографии можно сохранить?

Ланской выдержал короткую паузу.

— Сохраните. Но прошу пока ничего не отправлять за пределы предприятия. На них оборудование закрытого участка.

— Я отправлю своему руководителю.

— Укажите, что проверка не завершена.

Он не спорил и с этим.

Потом назвал фамилии троих подрядчиков. Они поднялись и вышли вместе с Беловым.

Мужчина с термосом задержался у двери.

— Час?

— Постараемся быстрее.

— У меня развозка.

— Решим.

Когда дверь закрылась, Ланской посмотрел на Алексея.

— Корнев и Зимина, оставайтесь.

Славка не встал.

Ланской перевёл взгляд на него.

— Вы?

— Слава.

— Фамилия.

Он назвал.

— Если вас ещё не отметили, подойдите вниз.

Славка посмотрел на Алексея.

— Я рядом буду.

Он вышел не торопясь.

Дима ушёл следом, пряча булку в карман.

В комнате остались трое.

Ланской подождал, пока шаги стихнут.

— Покажите журнал.

Алексей не шевельнулся.

Вера сняла куртку и повесила на спинку стула.

— Сначала зафиксируем, где его нашли.

— Вы были в рубке.

— Да. На столе, под настольной лампой. Раскрыт на странице с датой двадцать второго октября. Кроме нас, в помещении никого не было.

Ланской кивнул.

— Хорошо.

— И я хочу знать, кто последний работал с этим журналом.

— Для этого мне нужно его увидеть.

Алексей достал тетрадь.

Положил на стол между ними, не выпуская из руки.

Ланской посмотрел на обложку.

Никакого удивления.

Но и узнавания, которое Алексей видел у Белова, тоже не было. Ланской держал лицо так спокойно, что по нему вообще ничего нельзя было понять.

— Откройте.

Алексей развернул на двадцать первом октября.

Ланской наклонился.

Прочитал верхние строки. Перевёл взгляд ниже.

Алексей следил за его глазами.

На записи про Диму взгляд задержался.

Потом Ланской поднял голову.

— Этого не произошло?

— Нет.

— Вы предупредили?

Алексей не ответил.

Вера сказала:

— На указанном месте была неисправная ступень. Проход закрыли.

Ланской снова посмотрел в журнал.

— Кто ещё читал?

— Почему здесь наши имена? — спросила Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.